

*Амантай**Ахметов*

ЛЮБОВЬ, ПОХОЖАЯ НА СОН

Отрывок из романа «Властелин духа»

Как же люб казахскому сердцу степной простор, покрытый серебристой россыпью переливающегося под ветром ковыля и обрамленный голубоватой в утреннем свете грядой сопок! Неспешно погоняя коня, Ахмет предвкушал часы уединения, когда можно будет погрузиться в свои затаенные мысли, не оглядываясь, чем заняты в классе дети, которые наконец разъехались по летним стоянкам своих родителей. А подумать было над чем...

Перед глазами вновь возникло грустное лицо Александры с едва уловимой тенью печали в васильковых глазах. После слез матери опять терзали сомнения ее девичье сердце, раскрывшееся было этому серьезному джигиту и требовательному к ученикам учителю. Отец, обычно улыбчивый и разговорчивый, хранил суровое молчание об их отношениях с Ахметом. Собственно, этого нельзя было скрыть. Нет, это не была пылкая страсть. Скорее, это походило на тайное преклонение пред чем-то загадочным и непостижимым. Ей казалось, что только этот крепкий и ладно скроенный джигит с безукоризненными манерами, всегда опрятно одетый, сможет поднять ее на руки и унести в сказочную страну ее девичьих грез. И в его цепкой хватке она чувствовала бы себя белой лебедью под опекой степного орла.

Невольно вспомнился разговор с Алекторовым. «Ты молод, красив и статен. Разве не ловил на себе взгляды синеоких красавиц, не вздрагивало при этом сердце? ...человеческий мир наш как раз и прекрасен соцветьем народов, и люди тянутся друг к другу и ждут ответного чувства. Любовь, доверие и добро украшают жизнь».

Ахмет не мог открыто проявлять свои чувства к хозяйской дочери, так как жил на постое у ее родителей. Сидя в своей комнате долгими вечерами за тетрадами своих учеников, он постоянно ощущал близость Александры, одно имя которой приводило в трепет. Да и она при каждой встрече смущенно отводила глаза, и бледное лицо ее заливал лучистый свет. Лишь однажды, сидя на лавочке парадного крыльца и ведя непринужденную беседу о последних городских новостях, он осмелился положить свою руку на ее плечо и ласково произнести «Сашенька», будто она была одной из его учениц. Она вздрогнула, но не отвела руку и даже прижалась к его плечу. Этот немой диалог на крыльце ее отчего дома стал для Ахмета наивысшей точкой проявления долго сдерживаемых чувств. Да и Александра почувствовала за прикосновением волнующую правду.

Батяка Иван, как с самого начала стал называть хозяина дома молодой постоялец, бывал дома редко, больше разъезжал по своим лесным угодьям. Но каждое его явление в семье воспринималось как праздник, а стол ломился от яств. Супруга Мария в нарядном фартуке словно птица носилась между летней кухней и столиком на веранде, подгоняя дочь и младшего сына, чтобы они должным образом опекали отца, предупреждая все его желания. А батяка лишь посмеивался в усы от ее стараний и медленными глотками отпивал из граненого стакана настоящую за время его отсутствия бражку.

В укладе жизни этой русской семьи Ахмет видел не столь чуждую культуру, как притягательное тепло человеческого общения. Разве что одевались немного иначе и вели себя более сдержанно, чем в шумных семьях его сородичей. Только захотят ли они принять его? Вот что мучало Ахмета в последнее время.

Сняв недоуздок и отпустив гнедого попастьись на бархатной горной травке, Ахмет стал подниматься на взгорок, с которого раскрывалась чудесная панорама окружающих сопок. И чем дальше смотрел он на их силуэты, тем сильнее охватывало волнение и предчувствие раскрытия каких-то тайн. В такие часы единения с природой он чувствовал себя радостно и вдохновенно, а грудь переполняло чувство восторга. Вот она какая, его родная земля! Словно все прелести рая впитала она. Словно храмы и дворцы святых патриархов высились среди зелени дубрав и исполинских сосен могучие каменные колонны, увенчанные странными силуэтами, напоминающими людей и зверей.

Отец Александры был объездчиком в Аманкарагайском лесничестве. Как-то, вспомнив участь своего безвинно угнанного на каторгу отца, Ахмет спросил его по поводу запрещения казахам пользоваться для своих надобностей бесплатно лесным материалом. Батяка Иван объяснил, что теперь этот стеснительный закон отменен, хотя некоторые управления государственными имуществами все еще придерживаются формализма в решении этого вопроса. Поэтому для получения леса они требуют подтверждения аульного старшины или волостного управителя, которое представляется уездному начальнику и далее направляется на распоряжение управления государственными имуществами. Конечно, при таком порядке, пока бумаги будут странствовать по инстанциям, жилище или что-либо иное, на что требовался лесной материал, успеет развалиться, и чинить будет нечего.

Но почему-то среди русских переселенцев бытует мнение, что казахи беспощадно уничтожали и уничтожают леса, вследствие чего реки обмелели, озера высохли, снегу и дождей стало меньше, а засухи и неурожаи стали повторяться чаще. А ведь это неправильно. Если честно, привел тогда аргумент Ахмет, хищническое обращение с естественными богатствами края характерно и для переселенцев. И если будет так продолжаться, степь может скоро превратиться в настоящую пустыню. Что же касается степи, то она предназначена только для кочевого народа. Недаром у нас говорят, что «только гнилое дерево стоит на одном месте, а вольная птица летит, куда она хочет».

После этих слов Иван пристально посмотрел в глаза своего образованного постояльца. Смело, и главное, дельно говорит. Недаром при направлении его учителем в местную школу за него ходатайствовали в уезде, и он дал согласие приютить Ахмета в своем доме. Но в последнее время Иван, кажется, стал жалеть об этом. Мало того, что постоялец положил глаз на его дочь. Его можно было бы отвадить, да чувствовалось, что сама Александра была равнодушна к новому учителю. Она буквально порхала до дому, когда тот возвращался с работы. Да еще стала обсуждать с ним прочитанные книги.

Вот и в тот день, когда он вернулся с очередной поездки по лесничеству, застал их сидящими рядом на веранде. Александра держала в руках томик Пушкина и читала вслух главу из Евгения Онегина.

«Эх, чертяга, уведет ведь дочь! Умный парень, да ведь басурманин, будет моя Сашенька ходить всю жизнь под покрывалом».

Беспокойство отца вскоре воплотилось в явь, а молодой квартирант обрел свое личное счастье. Именно тогда в его жизнь вошла чистая и красивая любовь которую мудрый, интеллигентный, сильный духом Ахмет и мягкая, удивительно женственная и сострадательная Бадрисафа пронесли через весь свой тернистый и многотрудный жизненный путь.

Дочь лесного объездчика, квартирохозяйка молодого учителя, русская по крови Александра Ивановна душой восприняла казахские обычаи и традиции, покорила своих новых сородичей добротой, благородством и человечностью. Из-за невозможности сочетаться браком людям разной веры она вышла замуж как мусульманка и до конца своей жизни именовалась Бадрисафой Байтурсыновой.

Похоже, вначале мало кто одобрял отношения молодых. Однако, как показало время, это была настоящая любовь. В Кустанае и в Тургае старики уважали жену Байтурсынова за душевную щедрость. Лучшие качества ей удалось сохранить, несмотря на невзгоды: Ахмета не раз арестовывали, он прошел через тюрьмы и ссылки. А Бадрисафа тем временем из скромной девушки выросла в сильного человека со стойкой волей и твердым характером.

* * *

Свою скромную свадьбу в кругу близких друзей они с Александрой сыграли уже в Кустанае. Зима в том году выдалась суровая, в степи начался падеж скота. Отчаявшиеся люди приходили в город, где временно могли найти пристанище.

К счастью, весна выдалась ранняя, и к Наурызугу степь зазеленела свежей травой, а на деревьях стали распускаться почки. Местный люд повсеместно стал готовиться к откочевке на джайлау. Прослышав о том, Ахмет забеспокоился, так как ранняя откочевка предполагала, что скоро родители заберут своих детей. В то время Ахмет с Александрой уже жили в Кустанае, где он преподавал в двухклассном русско-казахском училище.

Нужно было как-то разрядить обстановку, поднять интерес к занятиям, чтобы учащиеся сами пожелали остаться до конца учебного года. Идею подсказала Александра: а почему бы не организовать праздник для детей и родителей.

До этого никто не отмечал казахского нового года, тем более с учащимися. Да и вообще это внесло бы оживление в общественную жизнь города, подняло интерес к училищу.

Услышав о празднике, оживились и родители. Некоторые казахи сразу же стали подвозить овец для угощения участников, а казак Ермолов преподнес в дар светильники и гирлянды для украшения зала, а также целый короб китайских фейерверков.

Поблагодарив благодетеля, Ахмет вышел с ним на парадное крыльцо училища. Ермолов сразу же задымил своей трубкой. Ахмет поморщился, но из вежливости не стал делать замечания.

– Ну, как дела, учитель? Небось, намаешься с ними за день. Я так вон с одним своим Ванькой порой не управлюсь, чего таить, ремешком воспитываю.

– Что вы, Григорий Афанасьевич, зачем ремень-то? Ваня мальчик смышленный, все понимает. А кнутом и ремнем знания в голову не вобьешь.

– Что верно, то верно, – согласился собеседник, поглаживая свои усы.

– Кстати, почему у казахов новый год-то как-то иначе, не по времени вроде? Ни снегу, ни елки нарядной.

– Разве дело в снеге? – ответил с улыбкой Ахмет. – И без того намерзлись за зиму. А Наурыз – это начало пробуждения природы, когда день равняется ночи. Смотрите, как цветет все вокруг, как ласково греет солнце. Разве не в такие дни должен начинаться год?

– Верно говоришь, учитель, видно, киргизы знают в этом толк, – задумчиво ответил Ермолов.

– Не киргизы, а казахи мы. Киргизы, так те в горах живут.

– Ну, прости, ведь вроде официально вас так именуют.

– В том-то и беда, Григорий Афанасьевич. Ведь мы с вами вроде с одним именем идем по свету. Ведомо ли вам, не знаю, но ваши предки начали казаковать и величать себя казаками, глядя на нашу степную вольницу, где было честью быть казаком. Да и слова многие вы от нас вобрали.

– Да неужто?! – изумился собеседник.

– А вот откуда пошли майданы да караулы? От тюркских, то есть казахских слов. В нашем аргынском племени даже есть крупнейший род караульцев.

– Выходит, побратимы мы! – и Ермолов захватил Ахмета в свои могучие объятия на глазах проходивших мимо детей...

Меж тем настал и праздничный день. В разукрашенном зале собрались родители, а учащиеся выступали с концертом, на котором звучали под домбру и гармонь казахские и русские песни, были зажигательные пляски.

Когда на сцену вышел Ваня и, прочитав басню Крылова, после слов «Ай, Моська! Знать, она сильна, коль лает на Слона» стал кривляться и повизгивать, все рассмеялись. Сидевший рядом с Ахметом Абдулла зацокал от удовольствия языком и громко произнес: «Правильно говоришь, мальчик! У нас, казахов, говорят, что щенок тявкает, а собака кусает. Знай свое место, Моська!»

А расцветший улыбкой Ермолов тотчас выступил с инициативой собрать материальную поддержку для училища, что было горячо поддержано родителями.

И вот стали накрываться столы в столовой. Грудами на блюдах лежала баранина, рассыпаны по скатерти баурсаки, на тарелках капуста и соленые огурцы. Из горячего подавали пельмени. «Только чарочек не хватает», – пошутил было кто-то из гостей, но его тотчас оборвали.

Когда возвращались домой с торжества, Александра, словно чувствуя настроение мужа, сказала: «А ведь ты можешь перевести басни Крылова, смотри, как их воспринимают». Эти оброненные слова жены запали в душу Ахмета. Да только бы знать тогда, чем обернется его увлечение баснями.

Между тем в Кустанае они пробыли недолго, на новый учебный год Ахмета послали в Каркаралинск.

Время в Каркаралы текло в спокойном и безмятежном, как окружающие горы, русле. Между занятиями в школе Ахмет любил выезжать на природу. Все здесь иначе, чем в привычной ему степи. Словно сам Аллах решил подарить кочевникам кусочек рая.

Правда, и шайтан, по-видимому, бросил глаз на этот уголок, если верить народным преданиям. Когда Ахмет поинтересовался у аксакалов, почему одно из красивейших озер в ущельях гор называется Шайтан коль, то услышал интересную легенду.

Подивившись красоте этого края, сюда стал наведываться Шайтан со свитой своих чертей. И они любили в жаркие летние дни поплескаться в этом озере. А неподалеку жил в уединении в одной из горных пещер святой старец по имени Жиренсакал аулие, любивший бродить по окрестным лесам.

Как-то рано утром старец пошел на это озеро. Смотрит, а там купаются какие-то похожие на людей существа. Они были желтого цвета. Святой не стал приближаться к ним, а наблюдал со стороны. Увидел, что все эти существа обращаются к одному – похожему на мужчину с невнятными словами: «Аплит, аплит». Святой незаметно ушел.

На следующий день он опять пришел на это озеро и увидел ту же картину, но уже все обращались к существу в женском образе со словами: «Жаплит, жаплит». Святой догадался: «Так это же шайтаны, которые размножаются! Аплит, видимо, отец, а Жаплит – мать». Он прочитал молитву и закричал на них. Тогда шайтаны исчезли. После этого случая святой не раз приходил на озеро, ночевал там, но шайтанов больше не встречал. Однако озеро с тех пор называется Шайтан коль.

До чего же богата фантазия народа и столько сказочных преданий живет в Великой степи! Нужно собирать, записывать и издавать их, как самое ценное наследие народа.

Ведь даже само название этих прекрасных мест окутано не менее прекрасной легендой. Одна луноликая степная красавица, выехав в степь на белоснежном аргмаке, обронила во время скачки каркару – драгоценный головной убор, украшенный драгоценными камнями и высокими перьями. Камни рассыпались по земле. Изумруды превратились в густые леса. Бриллианты обернулись прозрачными озерами. Рубины выросли горными массивами. Белоснежные жемчуга накрыли горы снежными шапками. Перья улетели в небо и обернулись прекрасными белыми птицами. И на месте девичьей потери родился уникальный край – Каркаралы. Удивительный зеленый оазис посреди бесконечных степей Сары-Арки.

А через выстроенный здесь одноименный поселок пролегли караванные пути из Средней Азии в Сибирь. Усталые караванщики находили в уединенном горном поселке уют, отдых, пищу и... полезную информацию. В начале XIX века царская Россия обратила свой взор на этот стратегически важный пункт, и 8 апреля 1824 года был издан указ об образовании Каркаралинского округа. Здесь была заложена крепость. Через три года она была преобразована в казачью станицу. Вскоре станице был присвоен статус города. Таким образом, Каркаралинск стал первым городом на необъятной территории Сары-Арки. И оставался единственным почти до конца XIX века, когда на трактах начали появляться населенные пункты и почтовые пикеты, которые тоже вырастали в города.

Должно прийти время, когда казахи станут полными хозяевами на этой земле, сами будут возводить города, освоют все науки, и только такие легенды будут напоминать о порой беспечной, чаще драматической судьбе народа, его радостях, бедах и традициях. И не надо будет уговаривать родителей отдавать детей в школу. Казахские дети станут великими учеными и писателями, научатся смотреть на мир не только из дверей юрты и седла коня. Дай Аллах увидеть такие времена! Но чтобы приблизить их, нужно пламенное призывное слово, которое должно зажигать людей национальным духом.

А нести это слово было суждено молодому учителю, который со временем вырастет в Учителя нации.

Выбор Каркаралинска оказался не случаен. Именно здесь Ахмет начал завязывать контакты с будущими единомышленниками и соратниками, так как на традиционные ярмарки собирались не только баи и торговцы, но и вся элита степи со знаменитыми певцами, сказителями, силачами и наездниками. Здесь царил атмосфера народного праздника, устраивались состязания акынов, поединки борцов, конные состязания.

Как-то они с Александрой, кстати, вполне привыкшей к своему новому имени Бадрисафа, а окружающие считали ее за светлый лик татаркой, попали на выступление прославленного борца, акына и певца Балуана Шолака. В отличие от других борцов-тяжеловесов, он имел атлетическую фигуру и прекрасно исполнял сложные элементы джигитовки, то стоя на лошади на всем скаку, то кружась в седле, то опускаясь на брюхо коня.

Но самым эффективным было у него поднятие тяжестей. Любо было смотреть как он играючи поднимал тяжести в полсотни пудов. А когда к удерживаемому им на плечах бревну цеплялось до двадцати джигитов, окружающая толпа буквально визжала от восторга. Его могучая сила потрясала воображение.

«Надо же, – неволью подумал Ахмет, – какие силы кроются в народе». Но более всего он восхищался всесторонним совершенством Шолака, так как он сам сочинял песни, собирал вокруг себя одаренную молодежь и исполнял с ними песни любимых им импровизаторов Биржан сала и Акана сери.

Будучи прекрасным наездником, Балуан Шолак очень проникновенно пел песню о гибели любимого коня Акана сери Кулагера, будто сам испытал эту потерю.

Белый снег ночной к утру сойдет,
 Но боль моей утраты не пройдет.
 Ты был со мной всегда в мороз и зной,
 На встречах всех любви ты был со мной.
 Повсюду вижу следы твоих копыт,
 Ведь каждый шаг твой славою покрыт.
 Так как же не рыдать и слез не лить...

Именно во время той ярмарки он познакомился с человеком, который стал ему и старшим братом, и путеводителем в дальнейшей судьбе.

Потомок ханского рода Алихан Букейханов в то время уже был достаточно известной личностью. Но их с Ахметом, оказывается, связывало многое. Ведь Алихан родился в селе Аулиеколь, где учительствовал и встретил свою возлюбленную Ахмет, а в Каркаралинске он начал свое образование в медресе и начальной школе. Старожилы рассказывали, что когда Алихан учился в уездной школе, он жил в доме татар Бекметовых. И вот как-то у этого дома остановился фаэтон генерал-губернатора Колпаковского, ехавшего из Омска. Он вышел и говорит: «Если сейчас кто скажет, сколько мое колесо прошло от Омска до Каркаралинска, того возьму с собой, поставлю на полное обеспечение, устрою на учебу». Из толпы вышел мальчик и выложил ответ. Колпаковский, изумившись точности этого ответа, лишь спросил: «Как тебя зовут?» «Алихан», – был ответ.

Когда Ахмет пригласил домой Алихана с группой товарищей, тот отозвался теплой улыбкой, сразу же снявшей строгость с его лица. Но взгляд его оставался пронзительным и в то же время излучающим внутренний свет.

Смущенная визитом столь уважаемых гостей, Бадрисафа стала спешно накрывать на стол, укрыв лицо белым платком.

– Ты что, миленькая, чай не в мечети подаешь угощение, – шутливо обронил Алихан.

– Что вы, просто знак уважения к вам, – все еще не оправившись от смущения, вымолвила Бадрисафа.

– Да я шучу, просто почувствуйте себя более раскованно. Не чужой вам я, а считайте меня жезде, мужем старшей сестры. Ведь моя голубушка, Елена Яковлевна, тоже русских кровей.

Пришло время удивиться Ахмету, который не знал этого.

– А ты помолчи, слушай, что говорит старший брат. Ты мне вроде как доводишь-ся и зятем, и свояком одновременно. Как я знаю, Александра – дочь лесничего из Амантугая, моей родины. Вот и веди себя как зять. А коли нам судьбой дарованы такие красавицы, то можешь считать меня свояком.

Все рассмеялись, и за столом воцарилась душевная атмосфера.

Алихан же продолжил свои «изыскания» близости с Ахметом. И с того дня Ахмет обрел в нем старшего брата, коим называл до конца дней своих.

А начал он с рассказа о любимом им Абае.

– Вы все знаете его отца Кунанбая, ходите в мечеть, которую он здесь построил.

– Да, – закивали головами гости.

– Он стал первым старшим султаном из черной кости, и за ним числилось немало добрых дел. Подумайте сами, ни один из правителей Каркаралинска до него не подумал о строительстве мечети, причем первой в казачьей станице. Но знаете ли вы, кто был матерью Кунанбая и бабушкой первого по значимости поэта казахов? Так вот расскажу в связи с этим одну притчу.

В комнате воцарилась тишина.

– Так вот, мать Кунанбая Зере была из найманского рода Матай. И когда к нему приезжал погостить нагаши, Кунанбай выделял ему отдельный дом, а если приезжали представительные люди, отправлял их в другой дом. Он не хотел, чтобы подшучивали над его нагаши, так как стеснялся его простоты. Как-то Кунанбай сидел со своим нагаши в летнем доме. Неожиданно нагрянули важные гости, а нагаши не успел уйти. Когда гости расселись, красноречивый Каратай спросил: «А кто этот гость?» Кунанбай ответил: «Нагаши». «Отец Зере?» – снова спрашивает Каратай. «Да», – отвечает, немного помедлив, Кунанбай. Тогда резкий на слова Байсал шутливо бросил: «Оказывается, вся беда в нем». Тем самым он хотел поддеть сидевшего с хмурым видом Кунанбая, проявившего равнодушие к гостям.

Кунабай тотчас начал знакомить нагаши с пришедшими гостями. Нагаши в тон прозвучавших поддевок ответил: «Понял, Кунаш. Вижу, что здесь собрались подобные выхолощенным козлам жожаки родов, только от некоторых из них веет сыростью».

«А ты, светик мой, – продолжил он, глядя на Байсала, – любишь поговорить, но на свой язык не наложил узды». Тогда не уступавший никому резкий Байсал признал свое поражение.

После ухода гостей Кунанбай, глядя на нагаши, сказал: «Я, оказывается, не знал вас. Теперь, даже если придет жандарм, не поднимайтесь с места, сидите рядом со мной».

Все одобрительно зашумели.

«Вот дает нагаши!»

«Верно подмечено, все мы от материнской крови».

– Так вот, – продолжил свою речь Алихан, глядя на Ахмета, – ты мой младший брат. Ведь мать моя была аргынккой.

– Так что получается, что мы с вами три в одном, – находчиво ответил Ахмет.

Теперь уже рассмеялся Алихан: «Выходит так, ты мой зятек, свояк и младший брат!»

* * *

Вечер был душным, и из-за гор надвигались тучи. Скорее бы, что ли, прошел дождь. Оторвавшись от письма, Ахмет, все еще держа ручку в руке, вышел на крыльцо. Бадрисафа копалась у клумбы с цветами. Эта страсть жены забавляла мужа, но видя ее слегка подуставший вид, он решил помочь.

– Сашенька, – обратился он к ней по старой памяти.

Лицо Бадрисафы вспыхнуло красным цветом, будто отразившимся от чайных роз. Она благодарно подняла лучистый взгляд, который был понятен без слов.

– Может, помочь?

– Ну что ты, родной, лучше занимайся своим делом. А в палисаднике ты, со своей ручкой в руках, как пугало от ворон, – рассмеялась она.

– Пряма-таки, – сделал обиженный вид Ахмет. – Лучше на себя посмотри, фея эдемская. Только крыльев не хватает к босым ногам и этим изящным икрам.

Бадрисафа вспыхнула и быстро одернула юбку.

– А ведь я пришел к тебе басню рассказать. Нет, не Крылова, Хемницера. Помнишь, «Лошадь и осел». Весьма полезное назидание. Нельзя оставлять в беде товарища, лучше разделить с ним тягостную ношу. Так вот я решил добавить в конце:

Какой же вывод сей рассказ дает?
 Подобен тополю поступок милосердный!
 Коль сделал милосердые, тополь тот
 Тебе усладу принесет своею тенью.

Нет лучше милосердыя в этом мире,
 Чем поделиться помощью в нужде!

– Что ж, весьма удачно, – искренне порадовалась за него его фея, стоявшая в тени раскидистого тополя, будто иллюстрирующего конец этой басни.

– Так разреши и мне разделить твою ношу и проявить милосердие, – шутливо настаивал Ахмет.

– Ладно, – махнула рукой Бадрисафа, – принеси лучше из сарая пакет с удобрением.

Так и текли эти благостные дни в провинциальной глубинке в окружении цветов, книг и детских забав их учеников, и ничто не предвещало грядущих тревожных событий, тучи от которых еще не сгрудились в безоблачном небе их семейного счастья.

